

И.-А. Поп

МАРАМУРЕШ В XIV В.: ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Перевод с румынского Н. Г. Голант

Введение

Средневековая история Марамуреша¹ изучалась достаточно подробно в румынской, венгерской и украинской историографии начиная с XIX в., в том числе и на основании документальных источников, написанных преимущественно на латыни. При этом результаты были чаще всего различными, чему было много причин: национальный романтический дух, побуждавший как можно больше прославить народ, к которому принадлежал тот или иной историк; процесс формирования национальных государств, нуждавшихся в надежной исторической легитимации; фрагментарное и одностороннее изучение источников; игнорирование результатов, достигнутых другими историографиями, которые считались враждебными и т. д. Таким образом, возникли параллельные и зачастую различные истории Марамуреша. В последующие десятилетия, когда идеологические оковы и «социальный заказ» существенно ослабли, были сделаны более реалистичные выводы, одобренные значительным количеством специалистов. Конечно, национальный дух и даже национализм не исчезли полностью и, возможно, еще долгое время будут влиять на трактовку подобных вопросов в землях Центральной и Восточной Европы. Предназначение историков сегодня еще более, чем когда-либо — беспристрастно и корректно осмыслить содержание источников.

¹ См. новейший обзор истории Трансильвании, в который включена и история Марамуреша с соответствующей библиографией: *Istoria Transilvaniei* / Ed. de I.-A. Pop, T. Năgler, A. Magyari. Vol. I (până la 1541). Cluj-Napoca, 2003; Vol. II (de la 1541 până la 1711). Cluj-Napoca, 2005; Vol. III (de la 1711 până la 1918). Cluj-Napoca, 2009. Тома I и II изданы также на английском языке.

Термины *Valachus* и *Ruthenus*

Марамуреш остается идеальным местом для изучения взаимодействия и совместного существования румын, русинов, венгров и немцев, а также православных и католиков в Средние века. В настоящей статье мы попытаемся представить наиболее значимые выводы румынских историков по этому вопросу, то есть главным образом о том, что касается взаимоотношений между румынами и русинами в Марамуреше в XIV в.² Разумеется, представляя тему таким образом, следует помнить о ее деликатности, потому что термины средневековых документов не обладают точностью, свойственной документам более поздним и поскольку тогдашние этнонимы в латинском языке приобретали в некоторых случаях и другие значения (социальные, религиозные, социо-профессиональные). И все же мы исходим из предпосылки, вытекающей из изучения около 3500 документов на латинском языке, касающихся Марамуреша, соседних комитатов Венгерского королевства (Унг, Берег, Угоча, Сату-Маре, Бихор), Трансильвании, Баната и т. д., что термины *Volachus* (с вариантами) и *Ruthenus* (с вариантами) в общем относятся в этих местах в XIV–XV вв. к румынам и, соответственно, к русинам, без каких-либо иных коннотаций³. Иными словами, все документы XIV в. на латинском языке (около 60 документов), касающиеся Марамуреша, Берега и т. д., содержащие понятие *Volachus*, несомненно, обозначают этим понятием румын и, следовательно, речь в них идет о румынском этносе. Точно так же имеет этнический характер и появляющееся в марамурешских документах только в XV в. слово *Ruthenus*. Крайне редко этническое содержание терминов «валах» и «русин» может быть дублировано и конфессиональным смыслом, когда подчеркивалась принадлежность румын и русинов к православной конфессии. Возможности смешения на территории Марамуреша в Средние века этнического содержания данных обозначений с другими значениями не существует⁴.

Впрочем, все, кто обозначался понятием *Volachus* в XIV в. (как и в следующем столетии), представлены в источниках как кнезы или кнезы, ставшие нобилиями или собственниками имений (*possessiones, kenesiatus*), что ясно показывает, что данное слово не могло относиться к пастухам. В качестве убедительного примера можно взять королевский диплом от 14 мая 1353 г., который говорит о «главном и основном имении Штефана и Иоана, румын, сыновей Юги, также румына, верных слуг названного короля» (*capitalis et principalis possessionis Stephani et Iohannis*,

² Лучшей работой в румынской историографии, посвященной средневековому Марамурешу, остается монография Раду Попы: *Popa R. Țara Maramureșului în veacul XIV-lea / Prefață de M. Berza. Ediția a II-a, îngrijită de A. Ioniță. București, 1997.* — Эта ставшая образцом жанра работа, первое издание которой появилось в 1970 г., базируется в равной мере на тщательном изучении письменных источников и на серьезных археологических исследованиях.

³ Для нашего исследования не имеют значения ни отождествление «валахов» с «пастухами» (поскольку оно относится к более позднему периоду и встречается в тех регионах, где румыны не составляли большинства населения), ни распространение «валашского права» на населенные пункты, которые (больше) не были заселены румынами (происходившее после XV в. в других районах, но не в Марамуреше).

⁴ Для перевода латинского термина *Valachus* или *Olachus*, с вариантами, мы использовали слово «румын» (*român*), поскольку существуют надежные и ясные свидетельства того, что румыны всегда именовали себя, в том числе и в XIV в., румынами (*rumâni*), не зная этнонима «валах», которым их называли исключительно иностранцы. Для перевода термина *Ruthenus* из латинских текстов мы использовали существующее в румынском языке слово «русин» (*«rutean»*).

Olachorum, filiorum Ige, similiter Olachi, fidelium serviencium dicti domini regis)⁵. Подобным образом, в феврале 1419 г. король Сигизмунд Люксембург называет одного из своих доверенных лиц *Georgius, filius Iohannis Volachus de Dolha, aule nostre familiaris*, что означает «Георге, сын Иоана Румына из Долхи, служитель нашего двора»⁶. Другого значения у слова *Volachus* или *Olachus*⁷ не могло существовать, поскольку «служители королевского двора» или «верные слуги короля» не могут быть пастухами, бродящими по горам. А предположение о том, что для одной и той же территории, в одну и ту же эпоху и в одной и той же канцелярии слово *Volachus* (с вариантами) употреблялось в разных значениях, противоречит логике и историческому подходу. В связи с этим мы даже не будем пытаться анализировать старые (или более новые) бесплодные дискуссии националистического толка, связанные с этим вопросом⁸.

Свидетельства о русинах в Марамуреше в XIV в.

Проследим упоминания о ранних русинах в Марамуреше⁹. Мы можем констатировать, что для периода до 1400 г. не существует или пока не известны подобные письменные свидетельства документального типа¹⁰. Однако вопрос о присутствии русинов до 1400 г. на этой территории все же может ставиться на основании данных топонимики, хотя в этом случае необходима большая осторожность. Например, наименование *Orozviz* (венг.) (рум. Apa Rusului — «вода русского») фиксируется еще в 1353 г., а затем в 1373 г. В 1353 г., когда была вновь подтверждена и разграничена часть старого равнинного княжества семьи Богдана, принадлежавшая сыновьям воеводы Юги (брата воеводы Богдана, будущего князя Молдовы), говорится о переходе границы «по краю реки, называемой *Orozviz*»¹¹. В 1373 г. *possessio Orozviz* находилось вне бывшего владения «восставшего» (уже покойного) Богдана, выделенного теперь для потомков Драгоша (бежавших из Молдовы обратно в родной

⁵ *Mihalyi de Apşa I. Diplome maramureşene din secolele XIV şi XV. Ediția a IV-a. Cluj-Napoca, 2009. P. 36. Nr 16.*

⁶ *Ibid. P. 318. Nr 132 (129).*

⁷ Форма *Olachus* является латинизированной формой венгерского этнонима *olah* (pl. *olanok*), также происходящего от термина «влах» («vlah»), которым венгры именовали румын. Итальянцев венгры называли *olasz* (pl. *olaszok*).

⁸ Известны случаи, когда в отдаленных регионах, куда добрались румыны со своими стадами, слово «валах» («valah») имело также значение «пастух», также как существуют примеры, относящиеся главным образом к XVI в., в которых тот же термин «валах» в Трансильвании употреблялся в значении «крепостной» или «православный». Однако эти вполне ясные и хорошо известные ситуации не позволяют делать обобщение, не имеющее исторической ценности.

⁹ Из новейших работ о русинах см.: *Bonkalo A. The Rusyns. New York, 1990; Encyclopedia of Rusyn History and Culture / Ed. by P. R. Magocsi and I. Pop. Toronto, 2005; Magocsi P. R. Poporul de niciunde. Istorie în imagini a rutenilor carpatici. Ujgorod, 2007.* — Сегодня уже невозможно поднимать, встав на чью-либо сторону, вопрос о том, кто первым стал проживать в Марамуреше: это не имеет никакого значения.

¹⁰ В данной работе не рассматривается сосуществование дако-римлян и ранних румын, с одной стороны, и славян, с другой, в период раннего Средневековья (после VI в.), наблюдавшееся в течение нескольких веков на территории Трансильвании, Баната, Марамуреша и т. д., но это не означает, что мы не учитываем в нашем исследовании этот исключительно важный исторический процесс.

¹¹ *Mihalyi de Apşa I. Op. cit. P. 137. Nr 16.*

Марамуреш)¹². Можно предположить, что это имение, называемое «Ара Русулуй», существовало и до его первого упоминания (в 1373 г.), и что оно являлось частью упомянутого князя семьи Богдана. Кроме того, известно, что это владение было каким-то образом захвачено потомками Драгоша до 1390 г., когда было отмечено, что оно принадлежит им, называясь *Orozfalu* (рум. Satul Rusesc, «русское село»)¹³. Это название ясно указывает на необычный, иноэтничный анклав в компактной массе населения. Наконец, после конфискации у потомков Драгоша, упомянутое село было закреплено в 1411 г. за наследниками упомянутого Юги и некоей семьи из Долхи (родственной им) и упоминалось теперь либо под названием *Rwzkopolyana* (рум. Poiană Ruscă), либо под названием *Rwzkova* (рум. Ruscova)¹⁴. Между тем владения Рускова (Ruscova) и Поениле де суб Мунте (Poenile de sub Munte) известны до настоящего времени как населенные пункты в Марамуреше, в которых проживают русины. Однако другие названия общеславянского характера из того же региона, существующие в других краях, где никогда не жили русины, не являются релевантными для подтверждения присутствия русинов в Марамуреше, поскольку их возникновение относится к периоду ранних румыно-славянских контактов, когда предки румын и румыны, живя рядом со славянами, заимствовали из их языка значительное количество славянской лексики¹⁵.

Возьмем, однако, и другие примеры сел с русинскими названиями, первые упоминания которых относятся к достаточно раннему периоду. Так, *possessio Berezna* (ныне Березово, Украина) появляется в долине Няговы (Valea Neagovei) в 1415 г. в наследственном владении румынских феодалов из Домнешть (названо также Урмезеу (Urmezeu), ныне — Руське Поле, в Украине), вместе с Липчень, Херинчень и Боурень, расположенными в той же долине Няговы. Однако имения Липчень и Херинчень (ныне Липча и Горинкове, Украина) упоминались еще в 1350 г. королем Людовиком I (1342–1382) как «наши румынские села» (*villas nostras Olachales*), находившиеся прежде под властью неких румынских князей, а теперь подаренные «верным нашим румынам» (*fidelium Olachorum nostrorum*) Сэрэчину, Николае, Валентину и Лукачу, сыновьям Крэчуна из Билки (Bilca, ныне на территории Украины)¹⁶. Между 1350 и 1412 гг. в этом обширном владении, являвшемся предметом споров между некоторыми семьями румынских феодалов, упоминались только румынские села Липчень и Херинчень, потому что в 1415 г. рядом с ними, в том же владении, появляются и русинские села Березна (Berezna) и Боурень (Boureni), причем последнее именовалось также *Ekermezew* (ныне на территории Украины). Поскольку в упоминавшемся документе от 1350 г. особо говорится о том, что новые хозяева должны поселить в данном владении «множество (новых) жителей», можно предполагать, что села Березна и Боурень были основаны

¹² Ibid. P. 85–86. Nr 36.

¹³ Ibid. P. 130. Nr 57.

¹⁴ Ibid. P. 225. Nr 96; P. 235. Nr 99. — Как и Раду Попа, мы полагаем, что под названием *Rwzkopolyana* из документа от 25 мая 1411 г. (*Mihalyi de Apşa I*. Op. cit. P. 225. Nr 96) скрываются в данном случае два владения: *Poiana Ruscă* (ныне *Poenile de sub Munte*) и *Ruscova* (ныне существует под тем же названием). См.: *Popa R.* Op. cit. P. 93–94.

¹⁵ *Popa R.* Op. cit. P. 52.

¹⁶ *Mihalyi de Apşa I*. Op. cit. P. 35. Nr 15.

позже, возможно, около 1400 г., исходя из того, что они впервые упоминаются лишь в 1450 г.¹⁷

Из документа, изданного в 1404 г., известно, что румынская семья Дрэгешеску построила монастырь на границе населенного пункта, называемого Тарас, и одарила его селом, именуемым Перь (Peri) (ныне Грушево, Украина). Поскольку в 1389 г. упоминались только «ручей Груш» (râul Perilor) и по соседству «место, называемое монастырем», село Перь должно было быть основано в конце XIV в. на землях, отделенных от соседних сел Тарас и Нижняя Апша (Arşa de Jos)¹⁸. Этот населенный пункт был заселен крепостными-русинами, что, вероятно, объясняет и наименование *claustrum Ruthenorum*, данное монашескому поселению в 1456 г.¹⁹

Марамурешские русины и католическая церковь

Изданный Лелесским Конвентом (Lelez, ныне в Словакии) документ от 27 сентября 1418 г., устанавливавший стоимость и состав владений Богдана, сына Иоана из Долхи (Ioan de Dolha) (осужденного за насилие) и его родственников, свидетельствует о том, что в нескольких имениях на территории комитата Берег существовали и «две деревянных часовни, одна христианская, с деревянной колокольной, а другая русинская, обе с кладбищем и местом погребения» (в Шаркаде (Sarkad), где было 11 наделов, населенных крепостными, и 5 ненаселенных), «две деревянных часовни, одна христианская, а другая русинская, обе с кладбищем, а упомянутая русинская часовня с местом погребения (в Макарии (Makaria), где было 25 населенных крепостными наделов), «одна русинская деревянная часовня с кладбищем и местом погребения» (в Долхе (Dolha), ныне — Довче (Украина), где было 23 населенных крепостными надела)²⁰. Из этих документов следует, что зависимые русины и католики проживали в одних и тех же селах, находившихся тогда в составе комитата

¹⁷ *Popa R.* Op. cit. P. 65–66.

¹⁸ *Ibid.* P. 91.

¹⁹ *Ibid.* — В 1391 г. знатный румын Драг, отправившийся с согласия Сигизмунда Люксембурга в осажденный турками Константинополь, просил и получил у Вселенского патриархата ранг ставропигии для монастыря своей семьи в Перь, находившегося в юрисдикции Галицкой митрополии. Текст (латинский вариант от 1494 г.) показывает, что «воевода Балк и магистр Драг» (эти двое были братьями и являлись потомками Драгоша, основателя Молдовы), вместе с монахами из монастыря и со «всеми людьми, малыми и большими» из местностей, подчиненных юрисдикции ставропигии, имели право выбирать игумена монастыря, который играл роль епископа. Выборы игумена «всеми малыми и большими людьми» кажутся отсылкой к более ранней эпохе, до 1391 г., когда собрание марамурешских кнезов под председательством воеводы имело и прерогативу организации церковной жизни (*Popa R.* Op. cit. P. 208). Власть патриаршей экзархии в Перь простиралась на Марамуреш, Сэлаж, Ардуд и Угочу (то есть на те земли, где находились обширные владения семьи Дрэгешеску и где они осуществляли функцию комитов, а также на Берег и, возможно, на север Трансильвании (*Popa R.* Op. cit. P. 234–236). Этот жест Константинопольской патриархии от 1391 г. — переговоры с этими двумя марамурешскими братьями, создание ставропигии в Перь и признание за этими братьями права надзирать за Галицкой митрополией — был враждебным актом в отношении Польши и Молдовы; назначение патриархией кого-то вроде местоблюстителя Галицкого митрополита под патронажем Балка или Балицэ и Драга или Драгоша означало введение в борьбу за Галич фактора, зависящего от Венгерского королевства (эти двое братьев-марамурешан были магнатами Венгрии), и враждебного как Польше, так и Молдове. См.: *Papacostea Ş. Întemeierea Mitropoliei Moldovei: implicații central- și est-europene // România în istoria universală.* Vol. III/1 / Coordonatori I. Agrigoroaiei, Gh. Buzatu, V. Cristian. Iași, 1988. P. 530–532.

²⁰ *Mihalyi de Apşa I.* Op. cit. P. 308–309. Nr 128.

Берег, соседнего с Марамурешем. Пара терминов «христиане» — «русины» демонстрирует тот факт, что, согласно католическому менталитету того времени, русины (как и румыны и как все прочие православные, часто называвшиеся «схизматиками») не считались настоящими христианами²¹. Впрочем, в XIV в. были зарегистрированы интенсивные кампании окатоличивания русин (равно как и румын), поддерживаемые главным образом королем Венгрии Людовиком I при покровительстве папы. Так, 11 августа 1357 г. папа Иннокентий IV уступил вышеупомянутому королю церковную десятину, собираемую в Венгрии, на срок в три года в качестве платы за усилия, предпринятые этим сувереном с целью распространения римской веры, в том числе «за борьбу с русинами и литовцами»²². А 12 марта 1370 г. папа Урбан V поместил русинов (наряду с греками, куманами, скифами, армянами и т. д.) в число «неверующих наций с востока и севера», среди которых монахи-францисканцы «возвещали слово Господне» и которые в прошлом «повернулись к католической вере», но которые тогда, в момент издания документа, «отреклись от нее»²³. В рамках этой кампании, в которой мирная «миссионерская» деятельность монахов-францисканцев сочеталась с жестокостью светской власти (иными словами, с военными действиями, которые вел король), некоторых русинов, в надежде обратить их, переселят на земли Венгерского королевства, в его северо-восточную часть, в том числе в Марамуреш. Конечно, с помощью переселения крепостных-русинов на территорию католического королевства, каковым, с официальной точки зрения, являлась Венгрия, власти решали и другую задачу, а именно — приобретение дешевой рабочей силы для некоторых горных и холмистых местностей, где, однако, все же имелись пространства, пригодные для обработки, для скотоводства и для добычи соли. В этом контексте необходимо отметить следующее историческое обстоятельство: основная масса русинов в XIV в. проживала в составе Польского королевства и Великого княжества Литовского, заключивших личную унию в 1385–1386 гг.; однако до этого события, между 1370 и 1382 гг., Польша находилась в личной унии с Венгрией, под властью вышеупомянутого короля Людовика I, самого ревностного защитника католицизма в этот период; таким образом, в течение 12 лет Марамуреш и некоторые регионы к северу, населенные русинами, находились под властью одного суверена, который мог призвать их отправиться на юг, в места, которые ожидали освоения и в которых кампания по окатоличиванию была очень интенсивной.

Марамуреш: от румынского воеводата к венгерскому комитату

В XIV столетии в восточной части Венгерского королевства встречалось немало областей, в которых румынская феодальная знать доминировала или была очень

²¹ Слово «русин», используемое как составная часть пары «христиане» — «русины», имеет здесь в качестве приоритетной не этническую, а конфессиональную коннотацию. То же произошло в определенных ситуациях и с термином «валах», что вовсе не означает утрату этими двумя понятиями их этнической сущности.

²² *Theiner A. Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram illustrantia*. Vol. II. Roma, 1860. P. 33–34.

²³ *Ibid.* P. 96–97.

многочисленной²⁴. Марамуреш, однако, представляет собой совершенно особый случай в этом смысле, потому что — и этого в подобной мере не было нигде, ни в одной из соседних или удаленных областей — все хозяева земли были румынами и правили селами в форме кнезатов. XIV в. был решающим для навязывания институциональных формул Венгерского королевства, для трансформации и адаптации некоторых румынских структур в соответствии с требованиями пришедшей с запада феодальной модели. Фундаментальным административным институтом в рамках этой модели был комитат. Между тем, в десятилетия, предшествующие прочной организации комитата Марамуреш, латинские документы отражают существование Марамурешской земли или Марамурешского воеводата, которым управлял воевода, периодически избиравшийся собранием кнезов. Основой могущества кнезов были их земли и люди, жившие в селах. Как правило, во главе каждого сельского поселения (и окружающей территории) находился кнез, который был владельцем земли, обрабатываемой крестьянами, с плодов труда которых он взимал наследственную долю и от которых стремился получить определенные налоги. Множество кнезатов, располагавшихся в долинах рек или в низменностях (котловинах), составляли более обширный кнезат, который Раду Попа условно назвал долинным кнезатом. Таковы были кнезаты семьи Богдэнеску, Косэу, Мары, Варалии (Субчетате), Кымпулунга, Талабора или долины Быржавы²⁵. Долинные кнезы входили в число самых знатных и богатых семей марамурешских феодалов, держа в подчинении в трудно идентифицируемых сегодня формах и формулах мелких сельских кнезов. Марамурешские кнезы, по свидетельству документов, периодически проводили собрания, называвшиеся «собраниями всех кнезов земли», посредством которых они решали важнейшие вопросы всей Марамурешской земли, включая выборы воеводы, то есть самого главного руководителя.

Со временем, особенно начиная со второй половины XIV в., часть этих кнезов будет именоваться нобилиями (*nobili*), то есть адаптируется к порядкам Венгерского королевства, где была тенденция считать, что только нобили могут быть настоящими, признанными землевладельцами. Положение нобилия предполагало несколько характеристик, таких, как знатное происхождение, признанное окружающими, владение землей, упражнения в мастерстве обращения с оружием и т. д. Румынские кнезы соответствовали большей их части, поскольку были признанными землевладельцами *ab antiquo* и воинами. Но король Людовик I ввел еще два условия принадлежности к нобилиям: обладание письменным документом, изданным сувереном, и принадлежность к католической вере. Другими словами, в седьмом десятилетии XIV в. для того, чтобы считаться нобилем, уже не было достаточно быть признанным землевладельцем и воином: нужно было еще получить письменный документ от короля, который подтвердил бы владение, и перейти в католическую веру. Если последнее условие еще могло быть обойдено, особенно землевладельцами без важных функций, то королевская грамота стала аргументом и инструментом *sine qua non* принадлежности к знати и, предположительно, владения землей. Таким образом, марамурешские кнезы, старые хозяева сел, пошли на службу королевской власти

²⁴ Подробнее см.: Pop I.-A. Instituții medievale românești. Adunările cneziale și nobiliare (boierești) din Transilvania în secolele XIV–XVI. Cluj-Napoca, 1991; Drăgan I. Nobilimea românească din Transilvania între anii 1440–1514. București, 2000.

²⁵ См.: Popa R. Op. cit. P. 143–160.

и «святой короне Венгерского королевства» (по определению латинских текстов) и, большей частью, получили документы на свои владения, которые в любом случае принадлежали еще их предкам. В то время, как князья постепенно становились нобиллями, воеводы Марамурешской земли стремились ассимилироваться с комитами. Комиты были посланниками или сановниками короля, которые направлялись руководить от его имени определенной территорией. Существовал краткий переходный период, с конца XIV в., когда этот марамурешский персонаж именовался в источниках воеводой и комитом в одно и то же время. С XV в. старое собрание князей, руководимых воеводой, постепенно становится собранием нобилей, возглавляемых комитом, который более не избирался, а назначался королем. Наряду с этими существенными трансформациями отмечались внедрение, поначалу в скромных формах, католической церковной организации со всеми ее компонентами, а также приход колонистов — отдельных людей и групп, прибывавших из соседних или более отдаленных местностей. Как мы уже говорили, землевладельцы-нобилы, прибывшие извне, в Марамуреше в XIV в., да и позже, были редким исключением. Речь идет о владении селением Виск (*Visc*) между 1272 и 1300 гг. венгерской семьей Гонтпазманы-Уйхей (*Hontpazmány-Ujhely*)²⁶, о появлении в 1391 г. около Хуста семьи Рожай (*Rozsály*) и о еще двух случаях, когда «королевские гости» становились владельцами какого-либо села или его части²⁷. В остальном, десятки имений принадлежали исключительно мелким феодалам-румынам, и несколько — двум-трем семьям крупных румынских нобилей.

Кем же были «королевские гости»? В конце XIII в. имеет место проникновение в Марамуреш первых групп немецких колонистов, основателей поселений в Хусте, Виске, Течеу и Кымпулунге, находившихся по обоим берегам Тисы. Пятым поселением «королевских гостей» был Сигет, основанный несколько позже, вероятно, в начале XIV в. Так как привилегия, предоставленная марамурешским гостям в 1329 г., следовала модели привилегии, данной немецким гостям в Виноградово в 1262 г., и поскольку этот последний населенный пункт был подарен королем в 1280 г. вопреки его привилегии некоему феодалу, можно предполагать, что прибывшие в Марамуреш немцы происходили из Виноградово²⁸. Постепенно вместе с немцами прибывали и венгры: так, в 1329 г. упомянутые привилегии были предоставлены королем «нашим верным гостям из Марамуреша, саксонцам и венграм»²⁹.

Взаимодействие между двумя моделями цивилизации

Все эти новации стремились существенно изменить старый порядок вещей, сохранявшийся в Марамуреше на протяжении веков. Старые местные реалии в том

²⁶ Семья Гонтпазманы (*Hontpazmány*) была одним из аристократических родов германского происхождения в средневековой Венгрии. Впрочем, среди 26 венгерских аристократических родов времен короля Эндре II (1205–1236) лишь две трети были венгерского происхождения, шесть происходили из немцев и по одному — от французских, итальянских и испанских эмигрантов. См.: *Fügedi E. Kings, Bishops, Nobles and Burgers*. London, 1986. P. 6–7.

²⁷ *Popa R. Op. cit.* P. 136.

²⁸ *Ibid.* P. 46–47.

²⁹ *Mihalyi de Apşa I. Op. cit.* P. 10–13. Nr 4.

виде, в каком они отражены в сохранившихся латинских документах, показывают нам общество, политически структурированное в форме «земли» (*țară* — румынское слово, происходящее от латинского *terra*), руководимое жудами (*juzi*)³⁰ и вождями (*duci*), обладавшими землей и владевшими зависимыми людьми, которые были обязаны им службой и наследственными долями (отчислениями). Все это указывает на организацию, основанную на римской традиции, но модифицировавшуюся с течением времени благодаря контактам с пришельцами, и в первую очередь благодаря контактам начиная с VI в. дако-римлян и румын со славянами.

Изменения были ускорены религиозными влияниями в условиях, когда на христианство, принятое дако-римлянами и ранними румынами в латинской форме и на латинском языке, наложилась церковная организация византийско-славянской модели, изначально пришедшая от южных славян (болгар). Таким образом, румыны стали единственным народом романского происхождения (и говорящим на одном из неолатинских языков) — последователем православной веры, использующим старославянский язык в качестве языка церкви, канцелярии и письменной культуры в Средние века. Этот сложный процесс влияний и взаимовлияний отразился в самом румынском языке, в котором одни и те же средневековые реалии имеют двойные наименования — латинского и славянского происхождения: *țară* — *voievodat* (земля, страна — воеводат), *jude* — *cnez* (жуде — кнез), *ducă* — *voievod* (вождь — воевода), *domn* — *stăpân* (господин, gospodarь — хозяин), *domnie* — *stăpânire* (господство, владение), *rege* — *crai* (король), *împărat* — *țar* (император — царь), *lege* — *pravilă* (закон) и т. д. Религиозная терминология еще более знаменательна в этом смысле, поскольку понятия, касающиеся веры как таковой, унаследованы румынским языком из латыни (*Dumnezeu* — Бог, *credință* — вера, *crez* — credo, *lege* — закон, *cuminecătură* — причастие, *rugăciune* — молитва, *închinăciune* — молитва, *mărturisire* — исповедь, *sărbătoare* — праздник, *biserica* — церковь, *mănăstire* — монастырь, *înger* — ангел, *Paști* — Пасха, *Crăciun* — Рождество, *Florii* — Вербное воскресенье (букв. «расцветшие»), *Sânpetru* — св. Петр, *Sânmihai* — св. Михаил, *Sântămărie* — св. Мария, *câșlegi* — святки и т. д.), тогда как те, что касаются церковной организации, являются славянскими (*vlădică* — владыка, *vecernie* — вечерня, *utrenie* — утренняя, *slujbă* — служба, *Blagoveștenie* — Благовещение, *miluire* — милостыня, *duh* — дух, *stareț* — старец, *odăjdii* — ризы, *ispită* — искушение, *izbăvire* — избавление, спасение и т. д.)³¹. Как бы то ни было, в XIV в. из-за самого существования большого количества румын, зафиксированного

³⁰ Термин *jude* (pl. *juzi*), близкий по значению к термину *cnez*, восходит к латинскому *iudex* — судья, арбитр, глава (см.: Поп И.-А. От «Христианской республики» к «восстановлению Дакии» // История Румынии / Координаторы И.-А. Поп, И. Болован. М., 2005. С. 200. — Примеч. переводчика).

³¹ Мы включили сюда и слова иного происхождения (греческого, германского и др.), которые, как считается, проникли в румынский через посредство латыни или славянских языков, как и некоторые слова, которые, вероятно, были восприняты румынами не в период совместного проживания их (или их предков) со славянами, а в Средние века, под влиянием старославянского языка, ставшего языком литургии, канцелярии и письменной культуры. Разумеется, эта присущая румынскому языку двойственность, на которую мы ссылаемся (латинские термины, касающиеся сущности веры, и славянские термины, касающиеся ее формы), является относительной.

источниками в Марамуреше, эта земля-воеводат имела в качестве базовой характеристики своей организации реалии римского и римско-византийского типа, на которые органичным образом наложилось мощное славяно-византийское влияние. Другими словами, марамурешское общество имело довольно многочисленную правящую элиту, организованную по старым моделям римско-византийско-славянского происхождения.

С конца XIII в. эта картина начинает меняться благодаря усилиям венгерских властей, поначалу достаточно скромным, по организации регионов (Марамуреша, Берега, Угочи) в соответствии с венгерской институциональной моделью. Можно сказать, что после раннего военного, относительно поверхностного подчинения Венгерскому королевству (в XI–XII вв.) последовало (начиная примерно с 1300 г.) подчинение институциональное и административное, призванное установить эффективный контроль над этими восточными и северо-восточными территориями, расположенными далеко от центра. Стремление королевской власти к более действенной эксплуатации территории с целью получения надежных и существенных доходов обнаруживает себя в фактах назначения эмиссаров или сановников (*comites*), прибытия колонистов — немецких и венгерских «гостей», стараний по «украшению» обширных территорий людьми, которые могли обрабатывать эти земли (на поверхности и даже под землей). Как результат этих усилий, в Марамуреше появляются католические церкви (приходы), предназначенные для сановников или функционеров и «гостей», и новые светские институциональные структуры — политические, административные, экономические, юридические, культурные и т. д. Среди них были комитат, собрание (конгрегация) нобилей комитата, жуды нобилей (лат. *iudices nobilium*)³², акты дарения, места свидетельства и др. Например, комитат Марамуреш организуется лишь в XIV в., в течение восьми-девяти десятилетий попыток, проб, движений вперед и откатов назад. Титул марамурешского комита впервые зафиксирован в 1303 г., но первые комиты, которые проживали на указанной территории и эффективно управляли ею, появляются лишь в последней трети XIV в.

Интересным аспектом, хуже представленным (в столь четких формах) на других территориях, подчиненных Венгерским королевством на востоке и северо-востоке, является формирование новых институтов (принесенных в Марамуреш с запада) на основе старых институциональных структур, упомянутых выше. Так, прежние воеводы румын (*vaivodae Valachorum maramorosiensium*) становятся комитами на службе у венгерского короля, старое собрание кнезов Марамурешской земли (*omnes kenezii Terrae Maramorosiensis*) постепенно превращается в собрание комитата (*congregatio* или *universitas*), состоящее также из кнезов, но, с некоторых пор, и из кнезов, пожалованных королевскими грамотами и сделанных нобилиями; кнезаты все чаще именовались владениями (*possessiones*) и при этом делятся, модифицируются, размежевываются по старым или по новым границам.

³² Жуды нобилей (*iudices nobilium*) — сановники (функционеры), которые ежегодно избирались собранием нобилей (по четыре человека от каждого комитата Венгрии и по два от каждого комитата Трансильвании, от Марамуреша — также четыре) для участия в суде комитата, который возглавлялся комитом или вице-комитом и состоял из 12 персон (четверо из них — жуды нобилей, остальные — присяжные заседатели).

Однако, эти нововведения не означали только смену названий — прежние реалии обрели при этом иную сущность. Речь идет об определенных западных формах организации, характерных преимущественно для германского феодального мира (который венгры после 1000 г. старались имитировать), вот только эти формы были привиты на старые родовые корни, характерные для древней социальной организации ранних венгров, пришедших в 895–896 гг. в Паннонию. Другими словами, речь идет об обществе, подвергнувшись западному влиянию *sui generis* (которое некоторые современные авторы отказываются — слишком сурово, на наш взгляд, — называть феодальным)³³, но с мощной традиционной основой из племенной эпохи. Однако в XIV в. Анжуйская династия жестко ослабила древнюю венгерскую архаичную традицию, навязав в мельчайших деталях и почти во всей институциональной структуре королевства западную феодальную модель, на сей раз франко-неаполитанского образца.

Марамуреш в своей глубине все же остался и в XIV в. организованным по своей старой румынской, римско-византийской традиции, испытавшей византийско-славянское влияние, с классом землевладельцев-кнезов, с сельскими и долинными кнезатами, с владениями *ab antiquo*, с византийскими (православными) церквами и монастырями. При этом, однако, речь идет о мире, переживавшем эпоху перемен и испытывавшем воздействие новых институтов, принесенных Венгерским государством, колонистов — саксонцев и венгров, католической церкви, письменных документов, военной службы и налогов, на которые притязала королевская власть, и т. д. Другими словами, Марамурешская земля еще была структурой с римско-византийской и византийско-славянской сущностью и с определенными поверхностными формами германского и франко-неаполитанского типа, сравнительно недавно принесенными с запада. Иллюстрацией такого положения является церковная организация. В то время как почти для всех местных жителей церковь продолжала оставаться восточной (православной), новоприбывшие, именовавшиеся «гостями», имели несколько своих западных (католических) церквей (часовен) в тех местах, где они поселились, достаточно слабо организованных, так как их прикрепление в форме архидиакона (аналог православных протопопов) к одной из соседних епископий (Трансильвании или Эгера) было еще, в 1300–1350 гг., предметом споров. Католических монастырей в Марамуреше в XIV в. не было.

Марамурешский пример, однако, наглядно демонстрирует необходимость устранения все еще стойкого историографического предубеждения, согласно которому средневековое Венгерское королевство представляется каким-то конфессиональным католическим монолитом. Как показывают некоторые солидные исследования, как старые, так и новые, документальными, нарративными и археологическими источниками в целом королевстве святого Стефана до великого монгольского нашествия (1241–1242 гг.) фиксируется наличие около 600 византийских (православных) монастырей, из которых 400 локализовано³⁴, против

³³ Engel P. Regatul Sfântului Ștefan. Istoria Ungariei medievale, 895–1526. Cluj-Napoca, 2006. P. 110–151. См. также английский вариант этой работы: Engel P. The Realm of St. Stephen. A History of Medieval Hungary 895–1526. London; New York, 2001.

³⁴ Moravcsik Gy. Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 115; Pop I.-A. Regatul Ungariei între Apus și Răsărit: Catolici și noncatolici în secolele XIII–XIV // Anuarul Institutului de istorie Cluj-Napoca. 1997. Vol. XXVI. P. 314.

170–180 латинских (католических). Подобным же образом хронист-гуманист Антонио Бонфини, воздавая хвалу королю Людовику I, прозванному Великим, говорит, что к концу его правления (то есть около 1380 г.), после беспрецедентного усилия по насаждению католицизма как единственной религии в Венгрии, «истинная вера» была столь широко распространена, что «по общему мнению, более трети страны (*propter omnium opinionem, plus quam tertia pars regni*) было проникнуто этим святым обычаем»³⁵. Эти примеры показывают, что в средневековой Венгрии (по крайней мере до 1400 г.) византийская вера, далекая от того, чтобы быть уделом меньшинства, охватывала более половины населения или, во всяком случае, столь большое число людей, что оно производило впечатление большинства.

Волнения и мятежи в марамурешском обществе

Вопреки этой устойчивости старых реалий и традиций, насаждение новых порядков, принесенных венгерскими властями с запада, становилось давящим и стесняющим для людей востока, вызывая волнения и даже мятежи. Марамуреш является значимым примером в этом смысле. Здесь видно, как к середине XIV в. в рамках общества марамурешских кнезов сформировалось два лагеря или группировки: одна, которая, чтобы сохранить и даже увеличить свои владения, прерогативы и, в сущности, могущество, выступала за сотрудничество с королевской властью и ее представителями, и другая, которая с той же целью защиты своего статуса провозглашала сопротивление вмешательству извне. Символическими выразителями этих двух направлений были румынские лидеры Драгош (член одной из семей кнезов, ставших нобилем) и Богдан (член одной из семей владетельных кнезов, сановников воеводы Марамуреша). Драгош, как и многие другие феодалы-румыны, участвовал в антитатарских кампаниях короля Людовика, добившись признания своих заслуг королевской властью. Вследствие этого в 1359 г. Драгош стал во главе Молдавского княжества в качестве верного вассала венгерского суверена. Здесь он основал династию, состоящую из его сына Саса и внука Балка. Другой румынский марамурешский лидер, воевода Богдан, упомянут в 1342 г. вместе со своими сторонниками как изменник короля и мятежник. Это сопротивление, превратившееся в мятеж, продолжалось около двух десятилетий (с периодами затишья и, возможно, даже временного возвращения к верности королю), после чего воевода Богдан, названный королем «нашим известным изменником», в сопровождении 100–200 преданных ему кнезов, окончательно ушел (примерно в 1363–1364 гг.), перейдя горы в восточном направлении, в Молдову, где, отстранив потомков Драгоша, образовал, опираясь на старые румынские политические реалии, второе средневековое румынское государство — Молдову. Молдова иначе именовалась в многочисленных зарубежных и внутренних (адресованных иностранцам) источниках как «Валахия», «Малая Валахия», «Русо-Валахия» и т. д.

³⁵ *Bonfinius A. Rerum Ungaricarum decades quatuor cum dimidia* / Ed. I. Sambucus. Basel, 1568. P. 377.

Рост присутствия русинов в Марамуреше и их сосуществование с румынами

На фоне этих серьезных политических и военных потрясений, приоритетно отраженных в источниках, жизнь крестьянских общин в селах (кнезатах) очень мало известна. Предполагается, что обычные люди из более чем 100 поселений, зафиксированных до 1400 г., жили достаточно изолированно по отношению к новым королевским учреждениям, католической церкви и «гостям» из пяти городов. Забота властей о приобретении новых рабочих рук постоянно видна в многочисленных документах, от данной «гостям» в 1329 г. привилегии, призывавшей к тому, чтобы любые находившиеся в свободном состоянии люди прибывали для того, чтобы «обосноваться в этих местах»³⁶, до пожалования в 1350 г. кнезата румынских сел Липчень и Херинчень сыновьям Крэчуна, то есть «нашим верным румынам», в надежде на то, что они будут снабжены множеством «(новых) жителей», наряду «со всеми людьми и румынами», уже находящимися в указанных селах, которых побуждали подчиняться новым хозяевам, также как раньше они подчинялись старым кнезам³⁷. Корона поощряла, следовательно, прибытие новых сил, которые присоединялись к существующим, способствуя таким образом тому, чтобы Марамуреш становился более плодородным и более процветающим. Среди привлеченных из, как правило, близлежащих местностей иногда попадались и румыны, но, разумеется, было и множество русинов. Если в собственно Марамуреше, как мы показали на основании топонимики, в конце XIV в. было всего несколько русинских сел, то в долине Быржавы русинское присутствие, несомненно, является более ранним, что, возможно, относится и к другим местностям соседнего комитата Берег. Русинизированные села из среды долинных румынских кнезатов, те, которые русинизировались в XV–XVII вв., во всех случаях принадлежали, по крайней мере временно, королевскому казначейству или какому-либо крупному феодалу — факт, который в состоянии объяснить привод крепостных-русинов³⁸. На основе изученных документов было установлено с достаточной точностью, что число русинов в историческом Марамуреше превзошло число румын лишь в XVII в.; в 1838 г. в Марамуреше (который включал тогда и села в долине Быржавы, в комитате Берег), было 84 000 русинов и 50 000 румын³⁹.

Это продвижение русинов на юг является совершенно нормальным явлением, сравнимым с другими миграциями населения в тот же средневековый период, включая массовое движение румын из предгорных районов Молдовы и, возможно, даже из Марамуреша на юг Польши (где и после утраты румынского этнического характера этих регионов встречались села, организованные в соответствии с валахским правом — *ius Valachicum*) и — через реку Прут — далеко на восток. Другими словами, как на рубеже первого и второго тысячелетий и позже некоторые из румын — уроженцев северо-восточных и восточных районов нынешней Румынии — постепенно продвигались, со своими стадами или без них, на юг Польши,

³⁶ *Mihalyi de Apşa I.* Op. cit. P. 10–11. Nr 4.

³⁷ *Ibid.* P. 35. Nr 15.

³⁸ *Popa R.* Op. cit. P. 53, nota 64.

³⁹ *Ibid.* P. 51, nota 58. См. также: *Bélay V. Máramoros megye társadalma és nemzetiségei. A megye betelepüléséről a XVIII század elejétől.* Budapest, 1943. P. 111–112.

а также в Пруто-Днестровское междуречье и далее на восток, тем самым меняя этнический состав этих отличившихся низкой плотностью населения регионов, где было зафиксировано раннее славянское присутствие, так и некоторые из русинов, привлеченные, вероятно, в том числе и предложениями венгерских властей, продвигались на запад и юго-запад, достигая сначала соседнего с Марамурешем Берега, а затем, начиная с XIV в., обосновывались и в самом Марамуреше, среди румын.

В отличие от упоминаемых в привилегиях и контролируемых властями организованных передвижений немецких и венгерских «гостей», прибывавших в Марамуреш в XIII и XIV вв., передвижение русинов кажется «скрытым», не управлявшимся напрямую властями. Речь, таким образом, идет о двух различных по характеру процессах — одном официальном, относившемся к свободным людям и привилегированным общностям (в случае «гостей»), и другом — неофициальном, относившемся к лишенным привилегий крепостным (в случае русинов). Как следствие, в XIV в. в среде почти полностью румынской марамурешской феодальной знати, к которой прибавились «гости» из пяти населенных пунктов и католическая церковь (из-за своих нескольких земельных владений), не было еще ни одного землевладельца-русина⁴⁰. Постепенно, однако, крестьяне-русины будут продвигаться на юг, от гор к долине Тисы, и мирно уживаться с крестьянами-румынами. Мы не знаем механизмов этого сосуществования, потому что сохранившиеся документы содержат детали, относящиеся к жизни землевладельцев (формы собственности, процессы, захваты, передачи в залог, конфискации и т. д.), и не касаются жизни зависимого населения. Можно, однако, предполагать, что относившиеся к зависимому населению румыны и русины, будучи православными и пользуясь старославянским как языком богослужения, имели достаточно мотивов для взаимного сближения. Их, разумеется, должно было объединять и свойственное и тем и другим непривилегированное положение и, в первую очередь, отсутствие официального признания их веры и церкви, то обстоятельство, что они подвергались кампаниям по окатоличиванию, как и пренебрежение, содержащееся в понятии «схизматики», все чаще употреблявшемся по отношению к ним. В условиях, когда общим языком литургии был старославянский, представляется очевидной возможность посещения румынами и русинами одних и тех же культовых зданий. В то время как румынская знать Марамуреша должна была большей частью приблизиться к менталитету венгерской знати, характерному для всего королевства, румыны из низов оставались, также как и русины, привязанными к православию и византийско-славянской духовной атмосфере. Возможно, что среди них в определенные периоды Средневековья развилась определенная солидарность зависимых и дискриминируемых, ставшая разрушаться лишь в позднейшие эпохи, одновременно с ростом современных национальных чувств, появлением национальных движений и созданием национальных государств. Еще одним общим, сближающим элементом для румын и русинов Марамуреша в Средние века, также связанным с их общей дискриминацией в чуждом католическом государстве, могло быть присутствие по соседству (или память об этом славном присутствии в прошлом) румынских и, соответственно, славянских православных

⁴⁰ В 1439 г. впервые появляются два землевладельца-русина в селах Бочкой (Posessio Volachica) и Лунка, к северу от Тисы, прежде, однако, издревле находившиеся во владении румынских кнезов из Крэчунешть (*Volachi de Karachonfalva*). См.: *Popa R.* Op. cit. P. 68–69.

независимых государств, созданию которых способствовали и предки этих румын и русинов в XIV и XV вв. Другими словами, в то время как существовало немало мотивов для того, чтобы знатные люди, «гости» и католический клир смотрели на запад, откуда к ним шли покровительство, привилегии и модель жизни, столь же много причин было и для того, чтобы люди из низов, румыны и русины, с надеждой устремляли взор на восток и северо-восток, где жили свободные массы их соплеменников, одних с ними веры и языка.

Заключение

В заключение можно сказать, что Марагуреш XIV в. являлся результатом взаимодействия двух разных миров: мира римско-византийской традиции, подвергшейся византийско-славянскому влиянию, представленного главным образом православными румынами, и мира западного типа (с элементами родовой традиции), представленного венгерскими католическими властями, католической церковью и «гостями». По мере того, как часть румынской правящей элиты с целью сохранения своего статуса примкнула к королевству и венгерским властям (другая часть предпочла отъезд в Молдову), к существовавшим здесь зависимым румынам прибавились другие — также румыны, с соседних территорий, но главным образом русины, пришедшие с севера. По многим причинам, но в основном благодаря общей конфессии и сходному социальному статусу, зависимые русины сближались в первую очередь с зависимыми румынами, рядом с которыми разделили ту же судьбу. Начиная с XV в. и среди русинов выделяются землевладельцы, которые, как и румынские кнезы, приближаются по статусу к венгерской знати. Обе православные общности — румынская и русинская — вынесли серию натисков со стороны католической церкви, вследствие которых часть представителей элиты перешла в западную конфессию. Все это в конечном счете привело к тому, что исторический Марагуреш, «страна» площадью около 10 500 кв. км, расположенная на широкой полосе взаимовлияний между Западом и Востоком, которая начинается у берегов Балтийского моря и доходит до Адриатического, остается очаровательным плавильным котлом культур и цивилизаций, настоящим символом мультикультурной и многоконфессиональной Европы.

Summary

Maramures Land in 14th century was a mixed result of two different worlds, being in a process of interference: a world of Roman-Byzantine tradition and of Byzantine-Slavic influence, mainly represented by Orthodox Romanians (called by Latin sources Valachi, Vlachi, Olachi etc.), and another world, occidental one (but containing some traditional ancestral and tribal system elements), represented by Hungarian royal authorities, by catholic church, by hospites (royal colonists). Before the Hungarian conquest, the Romanians from Maramures created here a voivodate (voivodship) — a kind of a small principality — guided by a voivode, who was elected by the land assembly, composed by all the local landowners (cnezes or Kenesii). One faction of this Romanian leading class (cnezes) joined the royal and Hungarian authorities, in order to preserve its properties and its status and another one, in the same purpose, has opposed to the new rules and

rebelled, passing finally the Carpathians in Moldova. Step by step, to the existent Romanian subject people added new ones, from the neighborhood, not only ethnic Romanians, but even Rutheni (Ukrainians), arrived from north and north-west from the core of their people. For many reasons, but mainly because of the common denomination and of their lower social and political status, Ruthenian subjects arrived to be closer to Romanian subjects, both groups sharing the same fate. Starting with the 15th century, among the Maramures Ruthenians raised some small landowners who, together with the Romanian cnezes, became closer to the status of the Hungarian nobility. Both Orthodox communities — Romanian and Ruthenian — suffered a long series of pressures coming from the Catholic Church. As a consequence, a part of the Romanian and Ruthenian elite adopted the western faith. By all these elements, Maramures Land — an area of circa 10 500 square kilometers, situated on the large strip of interferences situated between West and East, starting at Baltic Sea and arriving at Adriatic and Black Seas — remain a fascinating crucible of cultures and civilizations, a real symbol of multicultural and multid denominational Europe.